

24.01.03.

Мандельштам Рюрик

из глубины

Меценат
12

Меценат (прил. к газ. Весть) - Калуга - 2003 - 24 янв. (№1) - с. 12

Есть два вида эмиграции: внешняя и внутренняя. Можно покинуть Родину, выбрав судьбу изгнанника, а можно не покидать ее, но жить как бы в ином мире, выдуманном, ирреальном, открытом лишь тебе одному. Эмиграция - всегда форма протеста. И очень важно, чтобы протест этот был нравственно оправдан. Одно дело - быть противником политического строя, совсем другое - искать лучший заработок или даже лучшие условия для творчества.

Герой этого очерка не был в числе диссидентов и не искал для себя жизненных благ да и за пределы родного города никуда не уезжал. Но все-таки он эмигрант по самой сути, по строю души.

«Мы живем, под ногами не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны...» - писал в начале 1930-х годов Осип Мандельштам. Жестокою судьбу этого поэта знают все. Но почти неизвестны имя и творчество его однофамильца Рюлика Мандельштама, родившегося в те же тридцатые годы в бывшей имперской столице, захлестнутой очередными волнами репрессий.

Мальчику дали странное средневековое имя, которым он очень гордился, но, увы, жить ему выпало отнюдь не в средние века и не в эпоху Возрождения. Аресты ближайших родственников, война, блокада, голодный послевоенный период - все это впечатления детства и юности Рюлика. Он рос болезненным, слабым ребенком. Много читал. И хотя, поступив в университет, вынужден был оставить студенческую скамью из-за открывшейся острой формы туберкулеза, все-таки в гуманитарном плане он был тонко образован. Главным да и, в сущности, единственным делом его недолгой жизни стала поэзия.

Но стихи, которые писал Рюлик, не принесли ему ни копейки. Они просто не могли быть напечатаны в советских изданиях, потому что... в них не было ничего советского. Мало того, они, казалось, были вообще из какого-то иного времени. Да и эстетикой обладали чисто акмеистической, гумилевской. А Гумилев - автор запрещенный, с ярлыком «контрреволюционера-заговорщика».

Одним словом - путь в газеты и журналы для Рюлика оказался закрытым. Оставались друзья, распространявшие стихи молодого поэта в списках. Друзей, к счастью, было немало. Все такие же молодые люди, в большинстве художники. Теперь их плеяду гордо именуют «андерграундом 50-х годов», а тогда и слова-то такого не существовало.

Характерно, что литературный талант Рюлика первыми признали именно художники. Действительно, образы в его стихах словно бы просятся на полотно.

Я не знал, отчего проснулся,
Но печаль о тебе легка.
Как над миром стеклянных улиц
Розоватые облака.
Мысли кружатся, тают, тонут,
Так прозрачны и так умны.
Как узорная тень балкона
От летящих в окне луны.
И не надо мне лучшей жизни,
Лучшей сказки не надо мне:
В переулке моем - булыжник,
Будто маки в полях Моне!

Пик творческой активности поэта пришелся на середину пятидесятих годов. В 1961 году Рюлика Мандельштама уже не стало. Да он и сам сознавал краткость своего земного бытия. Мотив близкой смерти звучит в его стихах постоянной нотой. А среди поэтических образов появляется Серебряный корвет - волшебный парусник, прилетающий за уставшей, измученной душой.

Вообще, образная система у Р.Мандельштама весьма необычна. И подборка, предлагаемая вниманию читателей «Мецената», вероятно, вызовет интерес именно яркостью сравнений, какой-то особой экспрессивной живописностью строчек и строф. Еще любопытна тематика стихов. Сюжеты из античности соседствуют с мотивами средневековья, а откровенно «книжная» романтика приобретает вдруг пронзительное современное звучание. И постоянно, почти в каждом стихотворении, ощущается холодное и влажное дыхание Петербурга. Да и вряд ли в каком-либо другом городе мог появиться поэт вроде Рюлика Мандельштама - это явление типично питерское. Поэтому не случайно рассуждение об эмиграции, помещенное в начало статьи: питерцы - народ эстетически обособленный, а Рюлик был исконным петербуржцем. Его «внутренняя эмиграция», его протест против чуждого внешнего мира нашли свое выражение в стихах.

За двадцатидевятилетнюю жизнь Рюлик Мандельштам оставил довольно скромное поэтическое наследие. Но то, что дошло до нас, позволяет говорить о нем как об авторе ярких, оригинальных произведений. А значит, его творчество - еще один резкий штрих в огромной трагической картине российской культуры 20-го века.

Дмитрий КУЗНЕЦОВ.

Рюлик
МАНДЕЛЬШТАМ

Алый трамвай

Сон оборвался. Не кончен
Хохот и каменный лай.
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай.
Пара пустых коридоров
Мчит один за другим.
В каждом -
двойник командора -
Холод гранитной ноги.
- Кто тут?
- Кондуктор могилы!
Молния взгляда черна.
Синее горло сдавила
Цепь золотого руна.
- Где я?

(Кондуктор хохочет).
- Что это? Ад или рай?
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай!
Кто остановит вагоны?
Нас закружило кольцо.
Мертвой чугунной вороной
Ветер ударит в лицо.
Лопнул, как медная бочка,
Неба пылающий край.
В звездную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай!

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литье.
Вечер,
Догорая у канала,
Медленно впадает

в забытье.
Ни звезды,
Ни облака,
Ни звука
В бледном, как страдание,
окне.

Вытянув тоскующие руки,
Колокольни бредят о луне.

Ковшом Медведицы
зачерпнут.
Скатился с неба лунный серп.
Как яростный серп луны

И как велик ее ущерб!
На медных досках тротуаров
Шурша, разлегался лунный

шелк.
Пятнист от лунного отвара,
От лихорадки лунной желт.
Мой шаг, тяжелый,

как раздумье
Безглазых лбов,
безлобых лиц,
На площадях давил

глазуюю
Из луж и ламповых яиц.
Пускай темные глазницы окон
И обо мне не говорят!
- Лети, луна!

Плети свой кокон,
Седое время-шелкопряд.
Мороз от ног

отщиплет пальцы -
Добыча верная в ночах!
Идут.

Они - неандертальцы,
А я - копы на их плечах.
Идут, идут - отлично спелось
Под шорох туч и ветра свист.
Какая ночь! Археоптерикс -
Не час полуночи навис.

Не сны - сырые груди шебня,
Где чудом - треск горящих
щеп...

Пусть яростный серп
луны ущербной,
Но как велик ее ущерб!

Золотое руно

Я - варвар,
Рожденный в тоскующем
завтра,
Под небом, похожим
на дамский зонтик.

Но помню бывшее:
плывут аргонавты,
Под килем рыдает
взволнованный Понт.

И мир, околдованный
песней Орфея,
Прозрачен до самого дна
И дремлет, как сказочно-

добрая фея,
Влюбленная в песнь колдуна.
И в час неизвестный
на берег покатым

любви приходили помочь
Прекрасная, злая,
большая Геката

И чудная царская дочь.
Усталое море спокойно
и сонно
Храпит на седых валунах -
Так спи же: не будет

второго Ясона,
Как нет золотого руна!

От наскучивших мыслей
вдали
Я люблю, как навстречу
щурятся

Близорукие фонари.
По деревьям садов
заснеженных,
По сугробам сырых дворов
Бродят тени, такие нежные,
Так похожие на воров.

Я уйду в переулки синие,
Чтобы вечер приник к виску,
В синий вечер,
на крыши синие

Я заброшу свою тоску.
Если умерло все бескрайнее
На обломках забытых слов,
Право, лучше звонки
трамвайные

Измельчавших колоколов.

Погаснут лампы,
дрогнут тени,

И ночь обрушится в лицо
С колючей готикой видений
Картечью битых леденцов.

Пальто, забрызганное
ночью,
Тяжелый мокрый воротник...
Лиловой тучей оторочен,
Рассвет за окнами поник.
Одно лицо простудным

жаром
Горит, когда потухло все,
Когда на улице кошмары
Ревут, как бешеный осел.
Когда темно, как блеск
стекольный,
Одна мечта всегда светла:

Иди к Никольской
колокольные
И молча бить в колокола.
Пускай в ушах дыра

сквозная
И каждый дом насквозь
пробит:
За что? За все!
Зачем? Не знаю!
Но только бить, и бить,
и биты!

Ноктюрн
Дремучий ветер охватил
Наш край, где площади
как ступы,
И молча трупы золотил -
Луны тусклые трупы.
И шелест крыл
от птичьих стай,
И на знакомые огады,
Кружась, летит

вороний грей,
Как черный призрак
снегопада.
А как ревут колокола,
Их рвет предсмертной,
медной рвотой,
Как будто дохнут на колах
У острых звонниц бегемоты.
Сквозь эту боль и этот стон
Зову друзей - их рук
коснуться б!

Ведь это только
страшный сон,
Ведь я могу еще проснуться.

Дон-Кихот
Помнится, в детстве,
когда играли
В рыцарей, верных
всегда одной,
Были мечты о святом
Граале.

С честным врагом -
благородный бой.
В юности верили
в счастье народа,
В старых и новых героев его,
Думали: тот,
кто теряет свободу,
Больше не может
терять ничего.

Что же случилось?
То же небо,
Так же над нами звезд
не счастье,
Так почему же
огрызок хлеба

Стоит дороже,
чем наша честь?
Может быть, рыцари
в битве пали
Или, быть может,
сошли с ума -
Кружка им стала
святым Граалем.

Стягом - нищенская сума?
Нет! Не о хлебе едином -
мудрость.
Нет? Не для счета монет -
глаза.

Тысячи копий осветят утро,
Тайная светит в ночи гроза.
Мы возвратимся
из дальней дали
Стремя в стремя и бронь
с броней.

Помнишь, как в детстве,
когда играли
В рыцарей, верных
всегда одной?

Падают звезды!
Серебряной пеной.
Падают звезды!
И листьям упасть.

Падают звезды!
Как рот джентльмена,
Золотозубая осенняя пасть.

Гез
(Тиль Уленшпигель)
В луженых глотках застывало
Голубоватым серебром
Колбас расплавленное сало,
Как лопотали стили под ребром.
Пивная медь дымилась

в кружках,
Дымясь, горела на столах:
Была нужда - гремела
в пушках,
Была нужда - в колоколах.

Вечерами в застывших
улицах